

«Я старался, но у меня не получилось», — произнёс Гу Уюань, опираясь руками о стол. Он обращался к молодому психологу, сидевшему напротив, который оставался невозмутимым, что бы тот ни говорил.

«Значит, ты признаёшь всё, что совершил?» — Пэн Цзэфэн бросил на стол диктофон, лежавший до этого у него под столешницей, прямо перед Гу Уюанем. «Это мне передала полиция. Они придут арестовать тебя в ту же секунду, как ты подтвердишь свои слова».

Для Пэн Цзэфэна Гу Уюань был пациентом, а он теперь помогал другим вытянуть из него признание без его ведома. Это переходило границы его принципов. Даже если Гу Уюань и впрямь совершил убийство и преступил закон, сама такая просьба — подвохом выудить слова — вызывала у Пэн Цзэфэна глухое неприятие, хоть цель и казалась благою.

«Конечно. Раньше я молчал лишь потому, что им важен результат, а не то, что происходило на самом деле. Им нет дела до того, в каком состоянии я шёл на преступление, как рушил свою дальнейшую жизнь. Им нужно только вынести приговор, чтобы продемонстрировать эффективность и героический образ защитников порядка. А для меня... мне нужно искупление».

Он убил человека. Он преступник. Но он тоже человек. Продолжать жить на свободе, скрываясь, не имело для него смысла. Пусть полиция вынесет приговор, пусть его казнят — ему было всё равно. Но если он сможет заставить себя признать вину, то, возможно, перешагнёт через ту внутреннюю пропасть, что не давала ему покоя.

Гу Уюань был лидером и барабанщиком одной из редких в стране рок-групп. Своим фанатам он всегда показывал солнечную, светлую сторону. Никто не мог подумать, что он способен на убийство.

Если бы его не вычислили, не сделали главным фигурантом того дела о надругательстве над детьми, что случилось больше десяти лет назад, полиция бы и не вспомнила о нём.

Это был факт. Тень, которую Гу Уюань не мог стереть из памяти.

Каждую ночь он просыпался от кошмаров. Неважно, светлым или тёмным был сон в начале — в конце его всегда разрушал тот мужчина, превращая в ужас. Первоначальная красота сна становилась сырьём для брожения, а образовавшийся к финалу алкоголь в последний момент разжигал огонь, который вырывался наружу, оборачиваясь осязаемым страхом и поглощая его.

Он боролся во сне и просыпался в холодном поту. Скидывал промокшее бельё в стиральную машину и шёл в душ. Даже летом он не решался включить холодную воду — привычка не притупила чувств. Горячая вода согревала тело, но не могла остановить дрожь.

По крайней мере, это было не так безнадежно, как ёжиться под ледяными струями.

Как-то на встрече с фанатами ему задали вопрос: «Как человек, который почти не потеет, сколько раз в день вы моетесь?»

Он улыбнулся тогда и ответил: «Два. Один раз после работы, другой — под утро, перед самым рассветом».

Он улыбался так лучезарно, что фанаты решили: он встаёт на заре, чтобы тренироваться, и принимает душ на рассвете, чтобы взбодриться. Даже хмурились, напутствуя: «Не перетруждайтесь».

«Не трудно», — отвечал он.

Просто больно.

Но он всегда старался жить чисто и красиво. Все так и думали. И сам он жаждал стать тем, кем казался. Но у него не вышло.

Он не просто потерпел неудачу. Он вырвал корень своей боли самым крайним, самым жестоким способом.

С самого начала он был неудачником.

Гу Уюань был невероятно красив — не холодной, отстранённой красотой, как Пэн Цзэфэн, а яркой, даже вызывающей. С рождения — белокожий, милый ребёнок, с годами становившийся всё обаятельнее. Алые губы, белые зубы, особый детский тембр голоса — симпатия к нему возникала почти у каждого.

Потому он и жил без опаски. Потому и шагнул напрямиком в тёмную бездну.

В одну из пятниц, в обеденное время, когда он учился в четвёртом классе, он, как обычно, принял от школьного охранника конфеты и печенье, улыбнулся, поблагодарил и даже чмокнул того в щёку, покрытую щетиной, — и только потом побежал на урок.

Тот охранник, казалось, очень любил детей. Каждый день он приносил кучу сладостей и угощал ребят, а в ответ просил поцеловать его в щёку. Больше никаких вольностей он не допускал, сльвя просто добродушным мужчиной средних лет, которому нравилось возиться с детворой. Родители, ученики и учителя отзывались о нём прекрасно.

Гу Уюань тоже его любил. Как, впрочем, и большинство детей. Недолюбливали те, кому не доставалось сладостей.

Почему некоторые ребята оставались без угощения? Маленький Гу Уюань иногда задумывался об этом, но быстро забывал — печенье и правда было вкусным.

И вот в тот день охранник сказал ему зайти после уроков: мол, у него есть для него кое-что повкуснее. Гу Уюань, не раздумывая, согласился и даже стал предвкушать.

Только когда его затащили в грязный, заброшенный класс старого школьного корпуса, до него наконец дошёл страх. Почему этот всегда приветливый дядя сейчас ухмыляется так отвратительно? В глазах Гу Уюаня лицо мужчины напоминало того, кто, зажмурившись в предвкушении, откусывает от булки, а открыв глаза, видит, что она вся покрыта густой зелёной плесенью.

Но очень скоро он понял: отвратительна не только ухмылка. Было нечто куда более омерзительное.

Ощущение тех грубых рук, ползавших по его телу, противный запах изо рта насильника, раздражающая боль — всё это врезалось в его нервы навсегда, терзая без конца.

Он провёл месяц в больнице, потом ещё два месяца не ходил в школу, пребывая в полной прострации. В конце концов Гу Цзиннянь продал свою компанию и перевёз семью в другую провинцию, чтобы начать всё с нуля.

На новом месте он не мог понять, чего больше — страха или облегчения. Улыбка в тёплый летний день могла обернуться водорослями, опутывающими утопающего. Что же ждало его в этой незнакомой стороне?

Почти полгода он боялся открыть рот. Сначала — из страха, что в него что-то проникнет. Потом — потому что во рту стоял тот самый мерзкий привкус, и он бесконечно полоскался, пытаясь смыть его. Общаясь с родными, он становился всё более одержим чистотой.

В душе он натирал кожу снова и снова, потом сворачивался калачиком в ванне и лежал неподвижно часами, пока кожа не становилась мертвенно-белой, как у раздувшегося утопленника.

Вскоре он снова угодил в больницу — на его теле не осталось ни одного живого места, зрелище было пугающим. На сей раз врач диагностировал начальную стадию депрессии и склонность к самоповреждению, рекомендовав родителям проявлять больше заботы.

В палате Гу Уюань часто просто смотрел на свои руки. Ни о чём не думая. Просто смотрел.

Он стал ещё молчаливее, чем дома, словно откатившись к самой исходной точке.

Но Гу Цзиннянь и Чжоу Шэншу не сдавались. Они дежурили у его постели по очереди, так что кто-то был с ним почти круглосуточно.

Родители никогда не показывали при нём своих тёмных чувств. Самым неестественным были лишь их натянутые улыбки — до того напряжённые, что казалось, вот-вот заплачут.

Но Гу Уюань не ожидал, что они и вправду плачут.

Как-то ночью, сорвавшись с кошмара, он механически побрёл в уборную и услышал приглушённые рыдания. Он вошёл и увидел отца.

Гу Уюань замер, Гу Цзиннянь его не заметил. Мальчик видел, как отец вытирал слёзы, но, похоже, хотел поскорее уйти, поэтому раз за разом плескал в лицо ледяную воду, пытаясь смыть следы плача. Но слёзы текли вновь, и он повторял это движение снова и снова.

Неизвестно, сколько прошло времени, но когда мужчина наконец совладал с собой и собрался выйти, он увидел Гу Уюаня. Сначала остолбенел, потом мягко обнял его и тихо сказал: «Кроха, пришёл в туалет? Папа подождёт снаружи».

Гу Цзиннянь глубоко вздохнул и вышел. И тут услышал за спиной:

— Папа, я поправлюсь. Не плачь.

Вслед за этим — щелчок закрывающейся кабинки.

В тот миг из него будто вышибли всю силу. Он прислонился спиной к холодной белой стене, и его губы задрожали, но слёз уже не было.

И Гу Уюань, как и обещал, стал понемногу приходить в себя — изменения были видны невооружённым глазом. Он перестал исступлённо скрести свою кожу, начал общаться не только с родителями, учился снова улыбаться. Казалось, он шаг за шагом возвращается к прежнему себе — тому, что с первого взгляда излучал свет и радость.

Он заставлял себя стать прежним. Стать обычным ребёнком. Даже более жизнерадостным,

чем остальные.

<http://bllate.org/book/16276/1465412>